

Но вот я стою совершенно один в еще более глупом положении. Я думаю о том как он подходит ко мне и что мне, в сущности, с этим делать совершенно нечего. Мне нечего ему сказать.

Если мы думаем, что нам есть что сказать друг другу, то это не просто заблуждение, но это самое фундаментальное заблуждение на свете. Вернее, мы могли бы осознать это как заблуждение, если бы вообще могли мыслить хоть сколько-нибудь критически. Но мы на это не способны.

Это как псевдомысли и псевдопредложения. «Пойдем со мной в кино.» «Давайте поужинаем вместе». Подразумевается, что на самом деле он думает, что хочет с ней переспать. Но это ведь не так: он действительно хочет поужинать. Если бы он, нормальный человек, хотел с ней заниматься любовью, он так и сказал. Думать в такую минуту об ужине и тем более говорить об этом — вот в чем было бы проявление фундаментального безумия обыденной жизни.

А если бы он не подошел ко мне, этот человек? Что если бы он просто взял и не подошел? Что бы я тогда делал? Нет, так не годится. Если бы ко мне не подошел *этот* человек, то ко мне подошел бы другой. А если бы я стоял в заснеженном поле, в ста верстах от ближайшего жилья и все-таки ждал, что он пойдёт ко мне?

Тогда к а к бы было: что-то подсказывало бы мне: «Не жди ты его!» или наоборот с утроенным упорством я бы его ждал?

Или в огромном городе в часы пик, облепленный толпой, когда вообще никто не может ни к кому подойти. Но он бы поднял руку вверх — так можно было бы предположить — он поднял бы руку высоко вверх и крикнул бы: «Эй!» И было бы ясно, что он этот крик адресует мне и что он обязательно подошел бы ко мне, если бы смог. Но в этот момент толпа поглотила его навсегда, и я даже не успел увидеть его лица.

Итак, ко мне подошел человек.

Человеческая дистанция: три наброска

Набросок первый. Свобода и привязанность

1. Начинается с наблюдений о стилях отвязывания (значит, и стилях привязанности). На эту тему — тему, акцентирующую развитие и модификацию персональной манеры/модели привязанности, как восходящей к неким младенческим началам общения, — терминологически нацелены статьи по «теории привязанности» (Дж. Боулби¹). Поскольку в русском языке *привязанность* есть некое наличное качество или чувство, то здесь у нас (имплицитно, в образном представлении) компонента действия, равно как и модальная компонента, оказывается ограниченной, усеченной. В этом плане «теория привязанности» открывает неожиданные просторы, высвобождает смыслы. Прогулка (например) — это еще и особая практика привязывания и отвязывания. Только зная, что объект привязанности заведомо неподалеку, ребенок пускается в «вольное плавание», в исследование и блуждание. По-видимому, внимание работает при этом в особом режиме, не в режиме оглядки (дозора за опекающим); оно фокусируется на объекте исследования (прилипают к нему), а дозорная компонента присутствует как бы приглушенно. Собственно говоря, феномен привязанности позволяет глубже подойти к самой природе внимания. Становится заметной принципиальная многоплановость внимания: его поли-морфность, поли-функциональность и поли-онтичность. Мы не отнесены нашим присутствием к одной-единственной реальности. Между прочим, опора в виде взрослого все-таки даже в детстве сопряжена с другими опорами (сад, берег, гора и т. п.). А постепенно и стадияльно совсем иное становится опорным. Не говоря уже о том, что ведь и я оказываюсь объектом привязанности: меня призывают в качестве той самой опоры. Но почему той самой? И откуда это неопределенно-множественное «призывают»? Тезис «мы существуем в пространстве привязанностей» (фундаментальный для теории Боулби) наталкивается здесь на прин-

¹ Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.

ципиальную трудность. Нет, и на пространство (не то что на отдельного человека!) не удастся нам опереться как на нечто *определенное*. В том-то и дело, что единое «меня некто призывает» одновременно и описывает ситуацию, и (по существу) не годится. Меня призывает или близкий, или тот, кто рассчитывает на некую близость, для того и зовет. Это неправда, что меня призывает *некто*. Меня зовет не просто человек, но призывающий, вот этот, а вовсе не какой-то другой. Сразу правильно определить, вообще говоря, не получится, придется пускаться в оговорки, таков самый статус этого призвания. Ведь могло бы оказаться, что призыв вовсе и не ко мне относился. И почему я думаю, что человек подошел ко мне?

2. Настоящее (феноменально, в восприятии/сознании) ни из чего не выводимо. Но *теория привязанности* — теория объясняющая, выводящая настоящее из прошлого (генеалогия). В таких теориях есть один коренной промах. Они берут настоящее как момент некоторой перспективы (перспективы обусловленности). Между прочим, это перспектива не имманентного опыта сознания, а интерпретации со стороны. Получается уже не вполне «настоящее». Получается не настоящее а некая специфическая «проекция».

Феноменологически свобода и настоящее мгновение суть первичная и единственная действительность. Вкладывание его (настоящего) в череду обусловливания, в колесо причин и последствий есть кармическое верование, которое может быть преодолено как иллюзорное (согласно чань-буддийскому учению). Феноменологически чуткое описание (Бл. Августин) по меньшей мере замечает, что не настоящее вставлено в цепочку времен, но, наоборот, у настоящего есть свое прошлое и свое будущее (они — только излучения, производимые настоящим мгновением, индуцируемые им. Прошлое есть только как прошлое настоящего).

Как соотносятся свобода, спонтанность и привязанность? Что такое привязанность как имманентное и свободное проявление? Тогда уже и ответственность. То есть ко мне другой привязан, я за него отвечаю, за его отвязывания тоже.... Вообще понять свободу в том онтологическом развороте (контексте), когда общение, соотнесение, диалог, связь мыслятся как высшие ценности, — это не ясно, как сделать. Мне не

ясно. Например, как мыслится время в перспективе соотнесенности (диалоговой связи, обращенности). Как забота налаживания (поддержания и модификации) со-отнесенности? А чем тогда отмечено *настоящее*, чем выделено? Нет, не ясно, как это понять.

Но вот, как мне кажется, малое движение в сторону этого понимания. В таком сознании настоящее обращено к *иному*. И именно этим иным (в его этовости и инаковости, в *этой* инаковости) актуализируется настоящее. Иному надо приписать этовость или такость (так приходящий, так уходящий и т. п.). Явление иного спонтанно, но событие встречи — *контингентно*. В нем нет произвола.

Получается, что настоящее призывается. Актуализируется явлением/призывом иного. Призывается человек, и это есть призвание настоящего.

3. Закончу тем же, чем закончил свое эссе Вадим Руднев: «Итак, ко мне подошел человек». Это *итак* не в том смысле, что вот человек появился где-то на горизонте, потом направился в определенном направлении и, вот, наконец, приблизился. Нет, это не об истории и не о финале. Вадим Руднев спрашивает, как понять саму констатацию (или, например, ментальную экспозицию) «ко мне подошел человек». Ни о какой истории, ни о каком свершении (и завершении) тут нет и речи. Явлением (этим, таким, итаковым) отмечено мое здесь и сейчас. Но не будем цепляться за это дейктическое разъяснение. Откуда взялась эта этовость, которой я не могу отказать в каком-то исходном качестве (ведь нельзя сказать, что тут нечто возникает)? Не знаю, как быть с «итак», но речь идет о чем-то антропологически априорном.

Набросок второй. Крупный план как вопрос антропологии встречи

1. Вопрос, о котором пойдет речь, не замечается обычно потому, что люди общаются уже на такой площадке, которая институционально и жанрово отмечена, например, на городской площади (рынок) или на улице, на остановке и т. п. Короче говоря — в *общем месте*. Таким местом является и коммунальная квартира, кухня. Да и любая жилплощадь такова, так что даже уборная и ванная не могут гарантировать уединения. Попытка оградить «common place» делается в

театре театральная площадка — это уже не площадь городка и не *жилплощадь*. И вот я недавно встретился с еще более радикальной попыткой такого остранения. Об этом и пойдет речь. Как отличить площадку жизни от жилплощади?

2. «Заноза» этого размышления — *ментальная экспозиция «ко мне подошел человек»* (Вадим Руднев).

«Ментальная экспозиция» (это точнее, чем «ментальный эпизод») — это некий еще неотрефлексированный концепт. Ментальная экспозиция — некая заноза: проблематизация, иницирующая последующий ряд *мысленных испытаний*.

Вопрос о *дистанции* и *крупном плане* — основной вопрос, относящийся к общению двух людей как критерию антропологической ситуации.

3. Уже и при общении с диким (не одомашненным) животным этот вопрос является коренным вопросом. Зверь слишком близко к себе не подпускает, у него есть «жизненная зона». Это эффект, описанный в этологии. Правда, животное живет вообще в ином мире, умельте. И «параллельные» миры могут разделяться не чисто ландшафтно; так соседствует «автомобильный человек» с дикими зверями в африканской саванне (или человек в батискафе и акула). Но коль скоро вопрос встречи возник — это вопрос об *общем* мире².

Домашнее животное, как и доверчивый зверь само может подойти к человеку.

² Сеть объектов, к которым человек привязан, он каждый раз застает готовой, но каждый раз ему предстоит выбор и каждую минуту этой заботой его жизненный мир, как мир привязанности, освещается и структурируется по-новому. Эта *форма жизни* вовсе не всегда требует фокусироваться на физических расстояниях. Регуляция удаления или приближения приобретает тут скорее метафорический характер. Когда люди перестают обмениваться письмами и звонками, это принято называть отдалением или охлаждением. Специализированного органа привязанности (если ее рассматривать как некое чувственное измерение) в данную культурную эпоху у нас нет; приходится обращаться к другим сенсорным регистрам, к практике синестезиса. Итак, речь идет не о дистанцировании в узком смысле слова. Речь идет об актуализации со-присутствия и о придании соприсутствию/со-отнесенности той или иной качественности, идентичности, эмоциональной окрашенности.

Скорее уж человек не подпустит к себе другого человека, да тот так просто и не подойдет, если «подключен» концепт *privacy*. Но есть ведь и более широкое поле соприсутствия, общежития (и соседства). И концепт «посторонние» («посторонним вход запрещен») или «частная территория»/«уважайте уединение» — только один из социокультурно обозначенных вариантов. Вадим Руднев проблематизирует другой вариант (и все поле «доступа» к человеку в целом).

Всякая драма, сценически-открытое бытие человека, есть такая проблематизация.

Ряд мысленных испытаний этого поля предложен и Эженом Ионеско в пьесе «Носорог». Особенно знаменателен эпизод прихода Беранже (протагониста пьесы) к Жану — с происходящим на глазах превращением Жана в носорога в том пространстве квартиры, куда Беранже имеет естественный доступ. Но зато знаковый смысл приобретает ванна — не просто как место, в котором уединяется Жан, но и как его «локус превращений» (во время линьки животные стараются укрыться в некоем особом «уголке»).

Тип доступа по мере развертывания этого эпизода тоже меняется. Сначала Беранже допущен на правах друга. Потом доступ — момент равнодушной толстокожести. А потом доступ превращается в страх и инстинктивное желание отодвинуться от бегущего напролом носорога. Этот эпизод мог бы ассоциироваться и с «Превращением» Кафки, но там превращение уже произошло, Грегор помещен в своем локусе, его территория (зона) четко отделена.

4. Конечно, превращение не есть лишь морфологический феномен; происходит превращение человеческого *жизненного мира* в *умельт* зверя. Ионеско показывает это превращение сериально, через вербальные неадекватности-сбои каламбуры (и реализации метафор) прежде всего. Ведь зона вокруг человека (и зверя) — это многослойный ряд телесных и символических оболочек, начинающийся с кожи и одежды (далее берлога, дом и т. п.). И выражение «из кожи вон лезет» становится буквальным — мечась между постелью и ванной, Жан сдирает с себя одежду, одновременно претерпевая род линьки, пока не предстает и впрямь носорогом. А позже замечается, что вообще *оносороженье* есть выход *на*

волю из старой кожи. Но о таком высвобождающем выходе из культуры еще Руссо (дидактически-мечтательно) размышлял (долгой пеленки!), затем Г. Торо.

Как сказать себе, что место привычного, вот этого, занято нечто несоизмеримое? Этот момент крушения типики (разовости) Беранже не решается сразу признать: возникает некий промежуточный умвельт сначала человека *не в себе* (этот фразеологизм потом становится реализованной метафорой). В конце концов выскакивает из своего мира уже и не человек вовсе). Поначалу это не характерологическое описание некоего «индивида» (уже поменявшего человеческую экземплярность на экземплярность носорога), но описание окказиональное: такое всего-навсего ненормальное состояние, эксцесс. Одновременно это — описание больного, а возможно и заразного больного, что, конечно, преобразует конвенциональный момент дистанции доступа-общения. Болель — это уже более широкая пластика идентичности, сопровождаемая лингвопластикой. Но все-таки еще не той радикальной био-пластикой, которую актуализировало первобытное мышление, воображая химеры (кентавра, грифона и иных зооантропальных персонажей), а позже — на научной основе анализировал в своих вивисекторских утопиях Уэллс (человек-леопард и т. п., — «Остров доктора Моро»).

Метаморфоза человека в зверя (и обратно) — это особый вариант проблематизации *человеческой дистанции*.

5. Что касается «Носорога», то финальная стадия — бегущий на нас зверь — это отнюдь не самое страшное. Наиболее страшное — предшествующая манифестация толстокожести. Жану наплевать. Это и есть подлинно драматическое событие, происходящее с человеческой дистанцией: равнодушные, *тупое безразличие*, означает гибель дистанции как отношения между людьми. Меняется тип привязанности, модель привязанности. Но, конечно, в смысле некоторого отношения между *физическими объектами* дистанция не исчезает, только происходит символический коллапс: привычный тип интерпретации расстояния оказывается нерелевантным. Некий слой нормальной (повседневной) праксемики испытывает сбой. Отклонение от нормы, эксцесс, понуждает к попытке вербального именованья. Требуется дать отчет: это призыв к

пробуждению, миг истины. Но на этот раз ум не в состоянии разогнать морока. Превращение в зверя ужасно тем, что только заведомо ложными формулами можно вернуть его в привычный коммуникационный контекст, сделать вид, что ничего особенного не происходит. «Я всегда двигаюсь напролом», — говорит Жан, но именно эта правдоподобная ложь — увертка как речевой акт — ужасает (аналогичный ужас перед словесной апологией оборотня испытывает в известной сцене один из персонажей «Мастера и Маргариты»). Вот какое затруднение переживает Беранже. Ключевой мотив семиотического затруднения Ионеско вводит не столько прямо, сколько с помощью отвлекающих языковых манипуляций/игр, например, споров обывателей о том, как соотносить количество рогов у носорога с номенклатурой зоологических видов (носорог африканский *versus* азиатский).

6. Можно ли от материального аспекта (материализация как заключительный этап био-пластики) вернуться к ментальному, к области сознания? Ведь никто не сказал, что материализация, субстанциализация, воплощение и есть высший вид исполнения. Это XIX-ому веку трудно было представить мир, в котором овеществленность, застывание в виде предмета/факта не было высшим моментом. Для архаического сознания решающим является уровень витально-энергетической (одушевленной) стихии (как начала) — это уровень речи, Слова. Слово магично, перформативно (это позже стали его эссенциальность противопоставлять субстанциальности).

Когда мысль, теоретический аспект, начинает в каком-либо предприятии доминировать, это уже есть некое напряжение (с точки зрения и социо-культурной, и антропологической). Наконец, в статусе рефлексии, осознав и тематизировав это свое положение доминанты, мышление обособляется от инстинктивно-естественного круга занятий, от привычки существования, более того, само это обособление и становится критерием, согласно которому человеческая ситуация выделяется из иных ситуаций. *Бодрствующее сознание* — вот что ставится во главу угла и одновременно подвергается горестному рассмотрению, ибо тут-то и обнаруживается уязвимый пункт, ахиллесова пята человека: не в обмане чувств (чувства не обманывают), но в заблуждениях «сердца и ума», — на самом

же деле, коль скоро заблуждения, то все-же ума (от него-то и Горе: от ума). Ведь чувства есть и у безумца, и у животного. Но человеку дан ум в руководители, он-то и должен нести ответственность. Сон разума рождает чудовищ.

7. Что такое констатация «ко мне подошел человек»? Это прерывание безотчетного существования. Обычно человек не знает, где он находится, он не находит себя там-то и там-то, а существует безотчетно. *Ко мне подошел человек* — констатация без опоры на физические ориентиры, ведь ландшафтно-локационное определение всегда условно, всякие координаты относительны.

И вот выделяется нечто еще до всякой бытовой локации: дистанция и крупный план в пространстве со-существования (со-бытийности). Это — акт *пробужденного* сознания. Его первое слово. Здесь чудовищам неоткуда взяться.

В самом деле, это и есть первая мысль ребенка. Он видит обращенное к нему лицо матери. Вдруг наплывают и другие лица. Он даже не говорит об этом. Он давно это знает. С самого начала. А скажет позже — не потому, что это нечто новое. А как раз потому, что это самое изначальное. Констатация почти тавтологическая. Но такой акт рефлексии мы и привыкли называть философским.

8. О звероуподоблении человека. Язык проблематизирует дистанцию в пространстве смыслов. Сближает далековатое и пр. Это — не что иное, как метафора. При этом преобразование дистанции происходит (или истолковывается) не в количественном, а в качественном смысле, то есть в этом преобразовании задействуется несколько семантических планов. Примерно такова концепция метафорического акта П. Рекера.

Замена превращения метафорой и есть способ сближения людей. В «Носороге» метафора фигурирует как средство удерживать человечность дистанции в обратном процессе, процессе превращения-расхождения. Становится, в частности, очевидным, что референция к болезни есть тоже метафора. К ужасу Беранже оказывается, что метафора (а значит, и язык) не справляется с происходящим. Мир заполняется чудовищами.

9. Привавление (к теории привязанности).

...Яблоко лежит на скатерти: его местоположение вполне определяется двумя расстояниями, например, расстояния-

ми от смежных сторон стола. Но когда *мы* передвигаемся по площадке, мы отслеживаем большой и, вообще говоря, переменный набор параметров (какая-то когнитивная избыточность, не правда ли?). Конечно, мы уверены, что все равно пребываем в евклидовом континууме, просто пространство несколько загромождено. Первичны расстояния между пунктами (фигурами, местами), а расстояния между физическими телами — это своего рода троп (метонимия). Но как только мы пытаемся различить две точки, — разделяющего их расстояния (а значит, и этой «исходной» абстрактной плоскости) оказывается недостаточно, приходится вводить «имена» или иные маркеры, отличающие *эту* от *той*. И тогда приходит в голову, что геометрическим практикам исторически, возможно, все же предшествовали практики магии, совсем иначе осмыслившие трансформацию близкого в дальнее и наоборот (близко — и дальнедействие). Расстояние, от-стояние, было отношением неких действующих лиц, и только в итоге крайней редукции эти акторы были заменены анонимными точками. Но ровную площадку мы и сейчас представляем не столь уж гомогенной. Достаточно особо выделить одну точку, как она превращается в центр и начинает делиться как нечто опорное, определяющее и властное³.

Итак, как филогенетический, так и онтогенетический взгляд на практики управления отстоянием понуждает нас актуализировать такой ярус сознания, который отнюдь не подразумевает идею декартовой плоскости. Мир симпатии и антипатии чужд языку евклидова пространства. Не будем вдаваться в топологию этого мира; но можно представить себе, что парная соотнесенность персонифицированных предметов (агентов) имеет онтологический статус некоей нити, допускающей растяжения (но и испытывающей напряжения).

Тем самым мы возвращаемся к *концепции привязанности*. И тогда становится настоящим вопросом о втором смысле

³ См.: Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. В гл. 8 («Новый образ мира») автор отмечает: «В новом социальном пространстве, которое ориентировано на центр, власть, господство (kratos, arche, dynasteia) не располагаются более на вершине социальной лестницы, а помещены в центре (es meson), в середине человеческой группы».

дистанции: о дистанцировании как управляемой селекции значимых «объектов» (объектов привязанности). Тут ментальное усмотрение, в начальном пункте общее и для интуиции *обращенности* (отнесенности, призванности и т. п.) и для интуиции коммуникации. Внимание обращенности, как и внимание коммуникации, избирательно. Для определения пространственных координат нам достаточно нескольких опорных пунктов. По этим ориентирам и решается в топографии задача *привязки*. Но в своем жизненном мире человек решает не задачи привязки, а проблемы привязанностей.

Дистанция не просто числовой параметр, это параметр, возникающий как момент выделяемого отношения двух позиций. И вот удержание сознанием именно этой пары в качестве единого (но динамичного) образования, в качестве выделенной со-отнесенности и есть онтологический модус дистанции как *вот этой*. Расстояние, даже при общности метрических интуиций (длина) отличается от *размера* тем, что всегда фигурирует в перспективе действия, в сценарии одновременно и фиксации, и варьирования. Объект, к которому я привязываю свое внимание, вообще говоря, является подвижным. Например, это автомобиль, следующий по той же полосе передо мной (или сзади). «Вот-этость» в данном случае не в том, что расстояние равно тому-то (это вторичный момент данной диспозиции!), а в том, что именно *это* расстояние выделено и отнесено к значимым *отношениям*. Его и приходится в первую очередь иметь в виду и отслеживать. Здесь дистанция гипостазируется не в геометрическом образе отрезка, а совсем в особом смысле. Привязанность (с ее внутренней формой привязи, свободно варьлируемой связи, с возможными приближениями и удалениями) — концепт, отчасти улавливающий этот онтологический ракурс.

10. Зоны и дистанции. Дистанция, гипостазированная в этно-коммуникативной модели Э. Холла (не без воздействия моделей этологических), фигурирует сейчас во множестве руководств в качестве твердой, метрически определенной зоны «вокруг человека». Как нечто материально-наглядное и универсально-фактическое, навязывается система концентрических кругов, буквально отмеренных с точностью до сантиметра. Для массового читателя произошло своеобразное пополнение списка

мировых констант (скорость света, постоянная Планка) некими коммуникативно-антропологическими постоянными.

Территориальное зонирование, как его применяют в практиках коммуникации и даже в работах по праксемике (то есть там, где интересующий мир фигурирует как мир общения), требует критики в трех планах. Во-первых, концепт территориальности был без какой-либо рефлексии перенесен из экономической географии человека в этологию, а затем обратным жестом спроецирован в сферу коммуникации⁴. Во-вторых, эти концепции безоговорочно и универсально отсылают к метризации действительного мира: в них дает о себе знать иллюзия всеобъемлющей метрической определенности. В-третьих, эти работы не только игнорируют жанровое многообразие коммуникации, но и вообще выдержаны в духе отрыва пространства общения от онтологической/привязанности (что начинается уже с исключительно сторонне-объектной установки наблюдения/описания). Подобное описание интересующей действительности питается физикалистски-ориентированным толкованием концепта «расстояние». Поставив вопрос о человеческой дистанции, мы попытались обозначить полюс, противоположный этой объективизации, равнодушной к реалиям жизненного мира.

Набросок третий. Связь и изоляция: пространство контакта и пространство отделенности

1. Надежность прохождения сигнала обеспечивается двояко. Внутренне — не должно быть обрыва провода. И внешне — сигнал должен быть отделен от чуждых внедрений и шумов: требуется надежная *изоляция* провода. Казалось бы, оба эти момента относятся к технологическим аспектам гарантии, то есть в идеале должны действовать универсально. Но это не так. Положительная надежность связи не универсальна, ведь и в случае исправности провода сигнал может быть просто проигнорирован: на первый план иногда выходят более приоритетные контакты. Суть дела в том, что общение избира-

⁴ Жизненная зона вокруг зверя не есть нечто постоянное. Насколько близко зверь подпустит к себе другое животное — зависит от ситуации «общения». Как раз попытка навязать человеку некие твердые зоны наиболее удивляет.

тельно, селективно по своей природе. Человеческое внимание, даже и в условиях нормативности, — акт спонтанный. А вот изоляция, отрицательная надежность, по своей сути универсальна. Символами изоляции в ее «всеохватности» оказываются заградительная полоса, ров, кольцо. Полная симметрия кольцевой зоны как раз и выражает эту универсальность на самом универсальном из всех символически-образных языков: на языке геометрии. При этом изолирующая дистанция принимает эмблематический смысл размера, зримого постоянства ширины кольца. Конечно, и соприкосновение может быть положено в основу геометрии; но, видимо, уже не столь зрелищно-эмблематичной⁵. Прикосновение — нечто индивидуальное. Контакт, касание избирательны.

Изоляция дистанцией, замороженной в виде постоянной ширины, универсальна. Вот откуда такая любовь теоретиков к моделям зонирования — они автоматически навязывают гарантии, значит, и детерминацию. Негативно-наглядная изоляция тотальна и абсолютно надежна. А связь, контакт, позитивны, но виртуальны, избирательны, подвержены сбоям.

Учитывая эту принципиальную разницу, следует говорить о двух (полярных) типах пространств (вернее, о двух типах опространствливания). (1) Пространство отделения (изоляции). Его границе можно уже и не предписывать количественного параметра. В пределе его граница — просто непроницаемая стена; разрез, приводящий к разбиению на отдельные «компоненты связности». (2) И другое пространство — пространство контакта (связи, соотнесенности). В топологических терминах первое пространство не односвязно, второе — не только связно, но, более того, линейно-связно. Только во втором случае расстояние, как «пространство/про-

⁵ Лобачевский считал касание основной геометрической интуицией. В изложении В. Ф. Кагана:

«Прикосновение составляет отличительную принадлежность тел»; мы называем тело геометрическим, если отвлекаемся от всех других его свойств, кроме способности приходить в соприкосновение с другими телами.

См.: Каган В. Ф. Лобачевский. Изд. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

межуток между двумя объектами»⁶, в самом деле становится промежуточным, посредующим.

Всякого, кто задумывался о функциях границы, смущает коллизия между ее функцией отгораживающей (изолирующей) и функцией контактной. Этот парадокс не оставляет нас в покое⁷. Но теперь вопрос несколько проясняется. Мы просто путаем два пространства. Граница контактная и граница изолирующая — это разные границы: они относятся к онтологически разным мирам общения⁸.

2. Теории межличностного общения и пространственное моделирование

2.1. В этих теориях опространствливание — некая метафорика, приближительно в том же духе, в каком ее привлекает топологическая психология (теория поля) К. Левина: ключевым оказывается представление о *барьерах*. Впрочем, еще и об уклонениях, избеганиях и пр. — например, в связи с концепцией «контр-суггестии»⁹. Барьер — это не столько метрическое представление, сколько физически-топологическое; особый тип связности/разрывности пространства.

⁶ Более полное толкование см. в кн.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002. С. 1098.

⁷ Каганский В. Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 7—19.

⁸ Об онтологии привязанности можно сегодня говорить только как об исследовательской перспективе. Концептуальный аппарат тут не разработан даже в плане терминологии. В частности, в конкретных ситуациях далеко не просто отделить привязанность от *зависимости*, хотя и очевидно, что это первейшая категориальная особенность. См. в связи с этим замечания Дж. Боулби (Указ. соч., С. 254—255). Зависимость (в отличие от привязанности) носит функциональный характер. Боулби еще отмечает, что привязанность избирательно направлена, тогда как *доброжелательность* и *дружелюбие* («аффилиация») поощряют любого человека к контакту. Но ведь и доброжелательность в известной мере обязательна как функциональный стиль общения (этикет). Получается, что и контакт, коль скоро он «призывается» чисто функционально, может иметь не столько векторный характер, сколько относится к некоему кругу! Наше стремление различить два вида пространств общения не может, следовательно, вполне положиться на те или иные геометрические признаки.

⁹ См.: Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. Л., 1990.

В обсуждении барьеро-преодолевающих и барьеро-выставляющих практик обычно подразумевается, что поле воздействий, пространство соприсутствия уже имеется, только вот его можно модифицировать в рамках конкретной ситуации (события общения). Я же пытаюсь наметить иной ракурс: речь идет об *онтологии соотнесенности/связи*. Связь — совместное поддержание существования в целом, а не «стратегия» и тем более не эпизод общения. Не рассматриваю я сейчас и коммуникацию в неких институциональных рамках. Будем считать, что стандартного (заготовленного) пространства коммуникации не имеется; диспозиция существования проблематична.

В случае светской беседы, обмена тостами и пр. общение происходит в этикетно-отмеченных, нормативных формах. Впрочем, этикет умеет по-своему соорудить разгородки и полосы отчуждения. Символически изменчивая линия сближений/удалений может, по цепочке событий, дойти до такой кульминации, когда *эпизод* обнаруживает неизбывный драматизм человеческой дистанции вообще. Такова последовательность крупных, средних и дальних планов в «Евгении Онегине», где физиогномически-явственный сбой дистанцированности (Татьяна напротив Онегина за столом) провоцирует в конечном счете дуэль¹⁰. В остранинном видении дуэль — не что иное, как особая метрическая процедура: построение и испытание пространства 22-ух шагов. Авторская реплика: «*Не разойтись ль полюбовно?*» (Суть происходящего — семантическая инверсия сближения). «Теперь сходитесь». Шаги сближения приближают к гибельному финалу; не заканчиваясь и после выстрела (как бы переступая за грань жизни),

¹⁰ Что касается дальнего, ближнего и пр. планов пушкинского романа, то наиболее поразителен выпадающий из этого перечня «план» *расширительной интимизации*. Это план одновременно самый крупный — «мое» прикосновение к миру Другого — и самый дальний: мир (я не могу сказать про него «мой мир»!) открывается в перспективе *опустения* при исчезновении модальности/перспективы *другого* восприятия: *теперь, как в доме опустелом* и далее:

«Закрты ставни, окна мелом/Забелены. Хозяйки нет./А где, бог весть. Пропал и след».

См.: Шифрин Б. Ф. Интимизация в культуре // Даугава. 8.1989. С. 88–94; Руднев В. П. Интимизация // Энциклопедический словарь культуры XX века, 2009. С. 149–150.

движение навстречу возвращает себе прежний смысл притяжения и эмпатии.

Г. Зиммель отмечал, что не редуцированность человека до безликого *представителя* имеет высокую цену в любых деловых контактах. Общению присуща индивидуальная интонация, а не только функциональная соотнесенность позиций; *расположение* обретает тут в самом деле не формальный смысл. Тем более это так, если общение мыслится не в контексте специфической практики, но как измерение жизненного мира. Теория межличностного общения изначально обречена на трудности неадекватной метафоризации, поскольку категория взаимодействия неотделима для нас от функционально-физикалистских образов, и, в первую очередь, образов дальне- и близко-действия. Метафора зоны/барьера выделяется в этом смысле только градусом своего сциентистского звучания. Это случай очень распространенный, но, в сущности, самый простой и легко характеризуемый. Барьер — принцип отрицательно-универсальный, а общение имеет в основе принцип избирательности.

Изоляция, отрицательная отгороженность, не всегда есть рациональное, целе-ориентированное уединение. Сейчас я говорю об одиночестве. Тогда некие барьеры ментального плана отделяют человека от других: универсально отделяют. Но пространство отнесенности, персональное пространство связи (и привязанности) можно и имитировать. Современные Интернет-сообщества культивируют контакт не как отдельное событие, но как наличие виртуальных маршрутов, связующих тропинок, то есть именно в качестве пространства соотнесенности. И все-таки это нередко оказывается имитацией, а иногда и формой зависимости: привязанность уже в специфическом смысле. Тут есть о чем подумать...

2.2. Рамки этих заметок не позволяют сколько-нибудь подробно затронуть вопрос о том, как *телесно-перцептивно* выражается (и создается) мир человеческой отнесенности. Избирательность-векторность исполняется не как близость-отдаленность, но как поворот головы, взгляд в глаза. Не радиус, а угол становится значимым параметром; удерживается не расстояние, а линия взгляда. Вопрос о *лице* означает, что «*между*» мыслится не как отделяющая полоса, но проявляется подчеркиванием разворота, «фронтальности» (фасад) и

т.п, на что сейчас обращают внимание как социологи, так и исследователи языковых концептов. Геометрически это означает, что мы имеем не универсальное описание в терминах расстояния, но описание, специфицированное в терминах взаимного расположения. Акцент делается не на геометрию пространств точек и путей, но на геометрию фигур. Если же иметь в виду пространство отнесения, то речь идет о типе внимания и заботы. Отгораживание есть, напротив, такая универсализация, которая призвана снять озабоченность, отключить дополнительные службы внимания. Например, защитная оболочка (капсула) автоматизирует отгороженность. Тогда мне уже не нужно самому вести дозорный мониторинг. В реальности таких стопроцентно надежных оболочек не имеется, так что человек, помимо пространства отнесенности, в той или иной мере осознанно поддерживает и некое пространство отделенности.

2.3. Но безоговорочно постулировать единое пространство общения как метризованное пространство внутренней от- (или раз-)гороженности/зональности — это явная путаница. Ввиду того, что она сейчас преподносится как некое азбучное знание¹¹, приходится повторить тезис, уже несколь-

¹¹ См., например: *Биркенбил В.* Язык интонации, мимики, жестов. СПб.: Питер, 1997. 224 с. В работах по праксемике (Г. Е. Крейдлин, Ю. Цивьян) система зон, восходящая к Э. Холлу, описывается при не столь разком подчеркивании метрической определенности. Но характерно, что Г. Е. Крейдлин нередко употребляет слова «зона» и «дистанция» как синонимичные (см.: *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. М., 2002. С. 467–471). Что же касается многочисленных электронных изданий и справочных сайтов, то там дистанции-зоны становятся чем-то почти технологически-нормативным:

«Выделяют следующие зоны дистанции в человеческом контакте:

1) интимная зона (15–45 см), в эту зону допускаются лишь близкие, хорошо знакомые люди, для этой зоны характерны доверительность, негромкий голос в общении, тактильный контакт, прикосновение. Исследования показывают, что нарушение интимной зоны влечет определенные физиологические изменения в организме: учащение биения сердца, повышение выделения адреналина, прилив крови к голове и пр. Преждевременное вторжение в интимную зону в процессе общения всегда воспринимается собеседником как покушение на его неприкосновенность;

ко раз прозвучавший. Избирательность векторна, а отделенность (отграниченность, изолированность) — зональна. Доминантой общения является направленность. Позитивная универсальность вектора связи может, конечно, имитироваться. Но в контексте общения разделение на от (раз)-гораживающие зоны — ошибочный образ. Зона не есть символ всеобщей со-отнесенности.

Ну, а современный театр, в котором сцена находится в центре зала? Но ведь различия ярусов — это побочное обстоятельство, изъян, который в известной мере пытаются компенсировать (помещают в разных местах телеэкраны и т. п.)

2.4. Зонирование, постулируемое в руководствах по коммуникации и в очерках праксемики, аргументирует правомерность этих постулатов очевидной родственностью шкал «близкий-далекий» и «свой-чужой». Но уже и в сценариях из этологии эта территориальная метафора представляется сомнительной. А проект *социологии пространства* определенно оспаривает эту метафору (отсылаем читателя к книге А. Ф. Филиппова¹²). В центре оказывается проблема социологического статуса «между» (как пространства и как отношения). Контуры этой проблемы в свое время наметил Зиммель. В «Экскурсе о чужаке» он выявил неадекватность представления своего-чужого в образах близости-отдаленности¹³. Дистанция чужака (того, кто приходит, но остается) актуализируется отнюдь не примитивным «дистанцированием», она

2) личная, или персональная, зона, (45–120 см) для обыденной беседы с друзьями и коллегами предполагает только визуально-зрительный контакт между партнерами, поддерживающими разговор;

3) социальная зона (120–400 см) обычно соблюдается во время официальных встреч в кабинетах, как правило, с теми, кого не очень знают;

4) публичная зона (свыше 400 см) подразумевает общение с большой группой людей — в лекционной аудитории, на митинге и пр.»

(*Мельман В. А.* Межличностная коммуникация — выпуск 23-24 // журнала «Провизор» от 15 декабря 2008 г. URL: <http://www.provisor.com.ua>)

¹² *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб., 2008.

¹³ *Зиммель Г.* Экскурс о чужаке / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 7–12.

подвижна, динамична. Чужак обладает особой мобильностью и виртуально находится в контакте с каждым из членов общества. В то же время он обладает неким качеством сторонне-объективного (незаинтересованного) видения. Зиммель приводит пример торговца, судьи (приглашаемого извне для рассмотрения городских тяжб) и пр. Пожалуй, можно было бы вспомнить и о положении полевого исследователя (случай включенного наблюдения): особый модус *исследовательской дистанции*. Векторный характер динамики чужака (ознаначивший, что дистанция выступает как модус расположения или как поворот головы) достаточно ощутим; как отмечает С. Баньковская, «в графическом изображении это, пожалуй, похоже на вектор, исходной точкой которого является группа, а направление вектора имеет неопределенный характер»¹⁴.

¹⁴ Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности. Там же. С. 381—388. Далее автор поясняет: вектор дистанции «фиксирует сам процесс удаления; чужак — это любая точка, расположенная и на векторе, в том числе и в его начале (в группе); отношения чужака с группой можно считать векторной величиной. Эта неопределенность позиции чужака как наблюдателя (направление удаления неопределенно) во многом обуславливает и характер его свободы, отмеченной объективностью, абстрактностью, безличностью».

Время тишины

1. Идеи захватывают людей, они будоражат умы, возносят и угнетают — огромное, просто неисчислимое количество самых разных концепций, теорий, стоящих и никчемных, все они громыхают в нас, стучат, бьются друг о друга, наперебой заявляя о себе, в общем, шумят так, что нет никаких сил... Право же, хочется тишины и покоя.

2. Сначала люди рождаются, потом они взрослеют и вскоре некоторые из них с удивлением обнаруживают в себе отсутствие интереса к царящему вокруг «празднику жизни» — «что-то не то есть *во всем* этом». Тогда они поневоле отправляются на поиски истины. Многие годы проводят они, читая умные книги, встречаясь с интересными людьми, изнуряя себя всевозможными «практиками», и... ничего не происходит. Беспокоящие их чувства не исчезают, иллюзии не рассеиваются, никто ничего не приобретает — ни тебе праздника, ни просветления. Хочется все бросить и стать моряком...

Но может случиться так, что именно в тот момент, когда некто уже смирился со своим поражением и навсегда распрощался со всеми — ему *здесь* явно делать нечего, в это самое мгновение он вдруг замечает, что «на душе у него стало спокойно» — движения мыслей не то чтобы прекратились вовсе, просто он стал ощущать себя *вне* этого движения...

А что если поиск истины — часть вселенского морока и ничего искать не нужно, потому что ты сам в своей сущности и есть истина?

Пришло время остановиться и просто быть тем, кем ты являешься на самом деле.

Все мы, взрослые и дети, мужчины и женщины, профессора и студенты, принадлежим *одной* тишине. Мы — это тишина. Мы носим тишину в своем сердце. Она — единственное, что всегда находится с нами. Мы не теряем тишину даже тогда, когда умираем. Она — безмолвный фон всего сущего, само дыхание жизни. Так что же такое тишина? Отсутствие идей. Молчание ума.